

Птичий грех. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Птичий грех. Максим Горький

Осенняя пАморха повисла над землею, закрыв дали. Земля сжалась в небольшой мокрый круг; отовсюду на него давит плотная, мутностеклянная мгла, и круг земной становился всё меньше, словно таял, как уже растаяло в серую сырость небо, еще вчера голубое. В центре земли – три желтые шишки, три новеньких избы, – очевидно, выселки из какой-то деревни, невидимой во мгле.

Я направляюсь к ним по разбухшему суглинку исковерканной дороги. Меня сопровождают невеселым бульканьем осенние ручьи, они текут по глубоким колеям тоже на выселки; а в ямах межколесицы стоят лужи свинцовой воды, украшенные пузырями. Иду точно дном реки, в какой-то особенно неприятно жидкой липкой воде; по сторонам дороги мерещатся кусты, печально повисли седые прутья; на всем, что видит глаз, – холодный налет ртути. Грязь сосет мои ноги, заглатывая их по щиколотки; она жалобно чмокает, когда я отнимаю у нее ступни одну за другою, и снова жадно хватает их толстыми губами. Холодно на земле, холодно и грязно; в душе тоже – холодное безразличие; все равно куда идти – в море этой неподвижной мглы, под ослепшим небом.

Выселки строились с расчетом образовать когда-то улицу: две избы стоят рядом, связаны крытым соломою двором, третья – побольше – напротив них. Между домами большая лужа, в ней плавают щепы и деревянное ведро с выбитым дном, а на краю ее, у ворот и под окнами одинокого дома, мнут грязь десятка полтора мужиков, баб и, конечно, ребятишек. Это странно: непогода, будни, чего же ради мокнули жители и почему они говорят так необычно тихо? Покойник в доме? Мужика смерть не удивляет... Ворота дома открыты настежь, посреди двора стоит телега, под задними колесами ее валяется куча тряпья; где-то обиженно хрюкает свинья, лошадь жуёт сено, слышен вкусный хруст. Крепко пахнет навозом и еще чем-то, напоминающим жирный запах бойни.

Здороваясь с людьми, сняв мокрый картуз, Они смотрят на меня молча, неприязненно, без обычного в деревне интереса к дальнему страннику.

– Что это вы собрались?

Большой чернобородый мужик, надвигаясь на меня животом, сурово спрашивает:

– А тебе чего надо? Откуда таков?

Он не в духе, но не настолько, чтобы драться; он, видимо, еще настраивает себя на боевой лад.

– Паспорт! – требует он, протянув руку, похожую на вилы о пяти зубьях.

Но когда я подал ему паспорт, он сказал, ткнув рукою к луже:

– Ступай себе...

Из-за его широкой спины вывернулся старичок с лицом колдуна и секретно, вполголоса, заговорил, пришепывая быстро шлепая темными губами:

– Ты, мил человек, вали, иди дальше с богом! Тут тебе, промежду нас, не рука, прямо скажу, – ты идикось!

Я пошел, но он, поймав меня за котомку, потянул к себе, продолжая выбрасывать изо рта мятые слова

– Тут у нас история сделана... Черный мужик сердито окрикнул его:

– Дядя Иван!

– Ась?

– Придержи язык-то! Что, ей-богу!..

- Да ведь всё едино, дойдет до деревни - там узнает, скажут...

Кто-то повторил эхом:

- Скажут...

- Али такую историю можно прикрыть?! - радостно воскликнул дядя Иван. Ведь кабы что другое, а то - отец...

И, сдвинув шапку на ухо, спросил меня:

- Ты - как, - грамотен? Чу, Никола, грамотный он...

Чернобородый поглядел на меня, на него и сказал с досадой:

- Да ну его ко псам и с тобой вместе! Эка суета...

Старик, вздохнув, беспомощно махнул рукой, всё придерживая меня. Мужики молчали, вращаясь в грязь; бабы, заглядывая во двор и в окна, шептались о чем-то; я слышал отдельные слова:

- Сидит?

- Сидит, не шелохнется...

- А она?

- Да она в сенях, не видно ее...

Старик, подмигнув мне добрым, светлым глазом, отвел меня за угол избы, оглянувшись, поправил шапку и деловито заговорил, поблескивая глазами, морщась:

- Тут, видишь ты, сын отца топором уколол, да и жену повредил; баба-то еще жива, а старичок, тезка мне - Иван Матвеев, - он кончился, упокой господи...

- Снохач? - спросил я.

- Вот, это самое, за сноху потерпел убиенную смерть от руки сына. Через бабу, да... Видал, - за телегой лежит, у задних-то колес?

- Нет...

- А ты поди, взгляни, - воодушевленно и даже с укором посоветовал дядя Иван, дергая меня за рукав. - Кто не пустит? Ты - со мной, я тут вроде за старосту, меня слушают, как же!

Он усмехнулся, снова подмигнул, а ведя меня сквозь народ, поучительно сказал:

- Грехи - учат...

Остановясь у телеги, он снял шапку и приподнял рваный армяк с земли у колес: под армяком распластался такой же, как дядя Иван, небольшой, милый и сухонький старичок. Лежал он, словно споткнувшись на бегу, подогнув правую ногу под живот, вытянув левую и неестественно упираясь плечом в землю. Одна рука заброшена на поясницу, другая - смята под боком; жилистая шея перекрутилась, правая щека утонула в навозе. Голова его была разрублена от уха до уха, - из трещины грибом вылез серо-красный мозг, отвалившийся лоб закрыл ему глаза. Рот, полный мелких зубов, был искривлен и широко разинут, - казалось, что старик этот, крепко зажмурясь от страха, кричит в землю криком, не слышным никому, кроме ее, может быть.

- Вот какая история сделана, - поучительно сказал живой старичок и, надев шапку, предложил:

- Аида в избу!..

На полу сеней, в полосе света из открытой в избу двери, лежала на спине, в луже застывшей и лоснившейся крови, молодуха, глядя в потолок круглыми глазами,

закусив толстую нижнюю губу, болезненно приподняв верхнюю. Из-под разорванного подола ее рубахи высовывались грязные ноги, и на обеих оттопыренные большие пальцы тихоныко, равномерно шевелились. Это было страшно видеть, но еще страшнее была тишина в избе и согнутая этой тишиной фигура мужика, сидевшего на лавке у стола со связанными за спиной руками, затылком к маленьким окнам, лицом в сени.

Он сидел, наклонясь вперед, высунув голову, точно под топор; на его темном лице по-волчьи блестели большие глаза; встрепанные рыжеватые волосы головы и бороды тоже блестели на стекле окна, гудевшем под ударами большой черной мухи.

- Вот это и есть самый мастер,- громко и негодуяще сказал старик, кивнув головою в дверь избы.

Я смотрел, ожидая, что мужик вырвет руки из-за спины, бросится на пол и на четвереньках побежит в сени, во двор и дальше, в поля, прикрытые серой паморхой.

- Нарошно посадили его эдак-то: пускай глядит, чего наделал,- объяснил мне старик, и тогда я увидел, что мужика почти сплошь по всему телу опутали вожжами и веревками, прикрутив его к столу и скамье.

Услышав последние слова старика, он покачнулся, тряхнул спутанными волосами,- всё вокруг него заскрипело, заскрежетало.

- Работничек был - золото, а вот она, дерзость руки, к чему привела...

Женщина у наших ног простонала коротенько и сказала медленно, страшно громко:

- Дедушка Иван, уди-и... уйдитя, Христа ради... Ты же добрый...

- Ага-а,- протянул дедушка Иван сердито и печально,- наделала делов, а теперь стонешь!..

Махнув рукою, он пошел из сеней, натягивая шапку на серебряную голову и говоря:

- Бабеночку жаль! Внучатная мне, брата моего ука. Жаль, хороша в девках ходила...

Вышли за ворота, где по-прежнему мял грязь, должно быть, весь народ выселков.

- Ну, что? как? - стали спрашивать бабы, толкая старика. Он успокоительно ответил им.

- Сидит, зверь ожесточенная, сидит...

Предо мною, в густом, влажном воздухе, кто-то невидимый нес труп старика. Я смотрел на разрубленную лову, на серо-красный гребень мозга, дряблый язык, жавший на нижних зубах, и загнутые вверх, ко рту, жесткие волосы бороды. Дождь сыпался пуще, настойчивее, земля стала еще меньше и грязней. По жести чайника за моей спиной дробно барабанят капли, точно острые гвоздики сыплются на жесть. На крыше овина галдят галки, слышна трескотня сороки.

Дядя Иван, шагая рядом со мною, повествует спокойным голосом многоопытного мудреца:

- В наших местях это зовется - птичий грех, когда свекорь со снохой соймется али отец с дочерью... Как птица, значит, небесная, ни родства, ни свойства не при-лает она, вот и говорят: птичий грех... Да...

В стеклянном сумраке, как две звезды, улыбаются Ее детские глаза, такие светлые, полные кротости.

- Ни в чем ноне старикам не уважают! А бывало!.. Чу, колокольчик, стало, едут! Ну, прощевай, мил чешек!

Иду в мокром шорохе дождя, и снова грязь сосет эй босые ноги. Сердце тоже жадно и больно сосут чьи-то холодные, толстые губы...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Птичий грех. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
<http://gorkiyamaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши [buckshee](http://buckshee.ru/). Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!